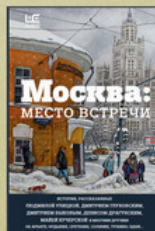

Юрий Гаврилов

Банный день. Сандуны

*Часть сборника
Москва: место встречи
(сборник)*

Юрий Андреевич Гаврилов

Баннйй дeнь. Сандуны

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22016311

Москва: место встречи : городская проза / Сост. Елена Шубина, Алла

Шлыкова.: Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной; Москва;

2016

ISBN 978-5-17-099718-3

Аннотация

«...Мы жили в центре, между Рождественским бульваром и Садовой-Сухаревской улицей, там, где по крутому склону словно частым гребнем были проведены переулки от вершины Сретенского холма, Сретенки, к его подножию – Трубной: Печатников, Колокольников, Сергиевский, Пушкарев, Головин, Последний и Сухарев – самая малая моя родина...»

Юрий Гаврилов

Банный день. Сандуны

Колокольников переулочек был горбат и силен булыжником; весной между разноцветных, если присмотреться, камней зеленела молодая трава.

Булыжная мостовая (когда-то каждый крестьянин, въезжавший в Москву, должен был привезти дюжину камней величиной в пядь) совсем не говорит о том, что мое детство и отрочество безмятежно текли в захолустье или же на окраине Москвы.

Мы жили в центре, между Рождественским бульваром и Садовой-Сухаревской улицей, там, где по крутому склону словно частым гребнем были проведены переулки от вершины Сретенского холма, Сретенки, к его подножию – Трубной: Печатников, Колокольников, Сергиевский, Пушкирев, Головин, Последний и Сухарев – самая малая моя родина.

Хотя родился я на Урале, в Верхней Салде, от родителей, встретившихся в эвакуации. Моя мама – коренная петроградка, а папа уроженец Колокольникова переулка.

Переулки наши не оставили в прошлом следа великого и кровавого, как соседняя Лубянка, но свою лепту в историю Отечества внесли. Если бы я был мистиком, я бы задумался о некоторых тайных знаках, каковые были сокрыты в истоках моей судьбы.

Улица Сретенка, не нашедшая себе певца, подобно Арбату, есть наилучшим образом сохранившаяся московская слобода, жители которой кормились многочисленными ремеслами.

Ряд наших переулков со стороны Рождественского бульвара начинается слободой печатников, т. е. типографщиков, которые построили себе каменную церковь Успения Богородицы в 1695 году на месте деревянной 1631 года; цела, слава Богу, по сей день.

Одно время в ней размещался музей Арктики, а затем – Морского флота СССР, который я неоднократно посещал по ненастным дням, сочетая полезное с приятным, – распивал спиртные напитки и знакомился с экспозицией – судите сами, читатель, что из этого было приятным, а что полезным.

Заметьте, что в это время я сам уже был матерым типографщиком, и не было ли здесь знака судьбы?

Сретенка заканчивается у Сухаревской площади церковью Троицы, что в Листах; здесь торговали продукцией печатников – листами: церковной литературой, печатными иконами и лубками.

И моя жизнь заканчивается вот этими листами – еще один знак.

Дом № 1 по Трубной улице, где жил мой школьный приятель, до революции носил название «Адъ» – по помещавшемуся в нем заведению последнего разбора даже для тогдашних гнусных московских трущоб.

И первый реактор Красноярского горно-химического комбината назывался «АД».

Ну почему я не мистик?

Жизнь была бы хоть и так же тяжела, но хотя бы понятна.

Колокольников переулочек получил название по литейному колокольному заводу Ивана Моторина, отлившего, помимо всего прочего, Царь-колокол.

Жившие по соседству пушкарки на склоне холма между нашим и соседним переулком поставили церковь преподобного Сергия; первая, деревянная, сгорела в пожар 1547 года, вторую строили долго, пока цари Иван V и Петр I не помогли камнем, и церковь освятили в 1689 году.

Крестный ход от нее совершался к Неглинским прудам, что славились рыбными ловлями, на месте нынешнего Цветного бульвара.

Пушкарки по случаю праздника палили из орудий, пугая Сретенку, Сухаревку, Лубянку и Мясницкую – а ну как сожгут.

Строили церковь долго, а снесли в 1935 году быстро, под огромный, по проекту, клуб глухонемых.

Однако вместо клуба построили школу, № 239 мужскую (с 1944 года) школу Дзержинского района, куда первого сентября 1951-го я пошел учиться.

А клуб глухонемых открыли в полуподвальном помещении в Пушкарском переулке, с 1945 по 1993 год он называл-

ся улицей Хмелева – в честь знаменитого исполнителя роли Алексея Турбина в любимом спектакле отца народов.

У Хмелева в Пушкарском была студия. Вообще этот переулок любим театральными деятелями: ныне на месте клуба глухонемых – филиал театра Маяковского, а неподалеку – еще какое-то театральное заведение.

В Большом Головином переулке была дровяная биржа, откуда мы на ломовом извозчике привозили в начале осени дрова.

Лошадь была такая откормленная, что с годами я начал подозревать, не от извозчика ли Дрыкина, возившего Ивана Васильевича во МХАТ, достался Мосгоркомхозу сей Буцефал.

В Последнем переулке располагалась старшая группа нашего детского сада, а наискосок от него – 18-е отделение милиции – неисчерпаемый кладезь детских впечатлений не совсем детского содержания.

Первое воспоминание детства – путешествие по почти неизменному маршруту, в Сандуновские бани.

Лет до трех меня и сестру мыли на кухне-коридоре дома, и я это помню. Видимо, это связано с тем, что сестру время от времени мыли таким образом и в более поздние времена. Воду грели на двух керосинках и примусе на двух столах – нашем и тети Мани. Вы когда-нибудь пытались вскипятить ведро воды на керосинке? Несколько часов терпеливого ожидания – и вы поймете, что это невозможно. Но Рос-

сия такая страна...

У меня было детское приданое, дожившее до шестидесятых годов: таз для купания, кувшин, большое ведро и ковшик. Все это было склепано на 45-м авиационном заводе из неправильно раскроенного хвостового оперения штурмовика «Ил-10» с разрешения очень высокого начальства. После войны 45-й завод частично вернулся в родную Сетунь, и мы с родителями ездили в гости к тем, кто мастерил мои купальные принадлежности. И мужчины обязательно пили за таз для купания, ковшик и другие предметы, за каждый отдельно, после чего им требовался отдых. В тех компаниях, что собирались у приятелей моего отца, у его сослуживцев-наборщиков, на складчинах, что собирались у нас, никогда не пили за Сталина, партию, родину – видимо, это не было принято в этой среде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.